

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

ЛУЧШАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

ЧЕСТНЫЙ ВОР

Владимир Колычев

Честный вор

«ЭКСМО»

2015

Колычев В. Г.

Честный вор / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2015

Когда Артем Есаулов поехал отдыхать в Крым к своей тете Соне, то даже предположить не мог, что его жизнь так круто изменится. Тетушка и ее падчерица Дарина оказались аферистками, которые ловко разводили отдыхающих на деньги, и были связаны с местным криминальным авторитетом Сергилом. Так племянш очень скоро оказался в его бригаде. И пошло-поехало: воля – тюрьма, тюрьма – воля... Артем все больше матерел и наконец вышел на свободу уже «коронованным вором». Тут и Дарина вдруг нарисовалась, тайно поведав авторитетному другу юности о своих претензиях на очень прибыльное предприятие «Горникель». Артем решил ввязаться в опасную авантюру, несмотря на то что до конца не доверял Дарине. Будь что будет. Зато сегодняшний день принадлежит им...

© Колычев В. Г., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Колычев

Честный вор

© Колычев В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Небо с парящими в нем чайками чуть ли не до самого солнца, синее море на всю ширину горизонта. Артем опустил голову, глянул вниз с высоты скального навеса, и вся эта красота свернулась в трубочку. Свет стал с овчинку и с шумом бьющейся о камни волны рухнул в бездну под ногами. Притяжение высоты схватило Артема за ворот рубахи, потянуло вниз, он пошатнулся, раскинул руки, чтобы удержать равновесие.

– Что, страшно?

Дарина стояла за спиной. Красивая девчонка – черные, с каштановым отливом, волосы, глубокие и манящие, как ночное звездное небо, глаза, изящный, совершенной формы нос, сочные, четко очерченные губы. Худенькая, стройная, соблазнительная. Дарина – не просто дар, а чудо природы. Глянешь на нее и уже не сможешь оторвать глаз. Но Артему не до нее, когда такая высота под ногами. Одно неловкое движение, и все...

Скала нависала над морем, спрыгнув с нее, он упал бы в воду, но там острые камни, о которые можно разбиться. Мысль об этом входила в голову острием подводного рифа, внутренности рвались от страха...

– Прыгнешь? – спросила она. В ее голосе слышалась насмешка хищницы, учуявшей страх жертвы.

– Не сейчас.

– Страшно. Я понимаю.

Зыбкая почва под ногами, шаткое равновесие, а еще Дарина могла столкнуть Артема вниз. Страх усилился, парализующий холодок из коленок схлынул в пятки.

– Ну, бывай!

Она его не толкнула. Напротив, сама шагнула в пропасть. Артем видел, как она падает вниз «солдатиком». Видел и даже наклонился, сопровождая ее взглядом и еле удерживая равновесие.

Дарина вошла в воду с глухим шумом, какое-то время ее не было видно, но вот из беспокойной синевы показались голова, плечи, спина, перетянутая тонкой полоской купальника. Она вынырнула и саженками погребла к берегу. Вверх она даже не глянула, не интересно ей смотреть на труса.

Артем с досады зажмурил глаза и стиснул зубы. Так хорошо начиналось это лето, и на тебе, Облом Петрович дорогу перекрыл.

Тетка письмо написала, в гости к себе в Крым позвала. Он получил диплом и сразу к ней. Дом у нее – глинобитная мазанка с дрянной крышей на дальнем конце поселка, зато место – сдохнуть можно от зависти. Небольшой пятачок на возвышенности – если вниз пойдешь, к морю спустишься, вверх – на скалу поднимешься. Артема вверх потянуло. Вид отсюда открывался захватывающий – море, небо, бесконечные просторы. И ощущения были штормовыми, а тут еще и Дарина подняла двенадцатибалльную волну. Эта волна сейчас швырнет Артема вниз, на камни, и его жизнь потерпит крушение...

А он прыгнет вниз. Лучше погибнуть, чем прослыть трусом в глазах Дарины.

Но умирать надо с надеждой на чудесное воскрешение. Артем сдвинулся в сторону, занял место, откуда спрыгнула Дарина. Отчаянная девчонка, не вопрос, но все-таки она знала брод, поэтому так смело сунулась в воду. И он повторит ее путь...

Артем сделал шаг и переступил черту, за которой от него уже ничего не зависело. Вся надежда на высшую волю... Штопором вошел в воду и почувствовал боль в локте, все-таки зацепился рукой за подводный камень. И еще ногами коснулся дна... Но это не катастрофа, это всего лишь сигнал о том, насколько близко прошла от него смерть. Сместись он в сторону на полметра, и налетел бы на камень всем телом, тогда все...

Плавал он плохо, корявыми саженками, а у Дарины была фора. Она уже сидела на берегу и кидала в воду камушки, когда он подплыл к ней.

Берег пологий, но сплошь в крупных камнях, похожих на драконьи плавники. Как будто здесь лежало чудище морское, присыпанное мелкой галькой.

– А ты не трус, братик! – покровительственно улыбнулась Дарина.

– Никогда не был.

Дно мелкое, неровное, камни острые, скользкие, поэтому Артем не шел, а подплывал к берегу. Дарина прицелилась и бросила в него маленький камушек. Артем чутьем определил траекторию, но не закрыл глаза, когда камушек угодил в голову, и даже не разозлился.

– Что-то я не пойму, ты джентльмен или «терпила» по жизни? – хихикнула она.

Артем ничего не сказал. Он, конечно, знал, кто такой «терпила», и ее слова воспринял как оскорбление. Будь на ее месте мужчина, он бы подумал, как призвать его к ответу, но наезжать на Дарину – это слишком. И оправдываться перед ней глупо. Он лишь сделал вид, что не услышал ее.

Выйдя на берег, снял рубашку, выжал ее. Дарина поднялась, затуманенно улыбнулась ему, подошла, пальцами провела по его плечу:

– Качаешься?

– Чуток.

В интернате Артем занимался боксом, брал на соревнованиях призовые места, в профтехучилище увлекся еще и тяжелой атлетикой. Не просто мышцы качал, а штангу рвал. Времена нынче смутные, культ силы в особом почете.

– А это что? – обвела она пальцем ссадину на его локте.

– Пустяк!

– А если бы убился?

– Когда убьюсь, тогда и поговорим.

– Не, я *туда* за тобой не пойду!

– А куда пойдешь?

Он вдруг подался к девушке и обвил рукой ее талию. Плоть у нее упругая, кожа нежная, волнующе гладкая. Семнадцать лет ей, он всего на год старше. И Дарина ему не совсем сестра. Тетя Соня сошлась с ее отцом уже после того, как она родилась. Вместе с ее отцом и села за кражу. Пару лет назад освободилась, забрала к себе Дарину, а об Артеме вспомнила только сейчас. Но лучше поздно, чем никогда...

– Пойдешь ты! – Дарина с возмущением выскользнула из его объятий.

– Извини, – слегка смутился Артем.

– Еще раз, и в глаз! Понял? – пригрозила она.

Он усмехнулся, глядя на ее маленький кулачок. Знала бы она, от каких «кувалд» ему приходилось уворачиваться. И получать... Все было в его жизни, и победы, и поражения...

– Я пойду! А ты обсыхай!

Дарина с издевкой посмотрела на него и резко повернулась спиной. Но к тропинке по крутому подъему она шла плавно, без рывков. Женственная осанка, мягкая походка, грациозная поступь. Как будто не по рыхлой гальке шла, огибая камни, а над паркетной гладью парила.

Артем смотрел ей вслед, затаив дыхание. Он познакомился с этим чудом сегодня утром, но уже был в нее влюблен. А впереди целое лето...

Шум волны под скалами, большая оранжевая луна в звездном небе, легкий бриз, теплое испарение от прогретой за день земли, звон цикад... Все это хорошо, просто здорово, но красотой романтического вечера сыт не будешь. А кроме этой красоты, у тети Сони ничего нет. Бедно она живет, даже на стол толком поставить нечего. Бутыль самогона из погреба достала, картошки наварила в мундире, банка с консервированной капустой, хлеб, соль – вот и все счастье.

Впрочем, Артему и такая скудость за радость. Дарина с ним за одним столом, и от самогона она не отказывается. По чуть-чуть пьет, но не пропускает. А тетя Соня себе по полной наливает. Она уже никакая, голову свесила, глаза в пучок сложила. Ей бы «на боковую», а она все к бутылке тянется...

А бутылка не бездонная. Закончился самогон, и тетя Соня протрезвела.

– Эй, это что, все? – возмущенно спросила она.

На старом комодке стояла ее фотография в молодости. Красивой она была, стройной, изящной. Но время само по себе беспощадно к женской красоте, а еще лагерные годы давали о себе знать. Да и алкоголь не оздоравливал. Лицо ссохлось, сморщилось, волосы посеребрились, и тело стало костлявым. Нездоровая у нее худоба, болезненная... Но время не лишило ее жизненных сил, бойкая она женщина, энергичная. Только живет бедно и бестолково...

– Может, сходить? – спросил Артем. С деньгами у него швах, но на бутылку дешевого пойла должно хватить.

– Не надо! – вцепилась в него Дарина, пристально глядя на тетю Соню.

– Не надо, – вздохнула та.

– Да и не на что, – смягчилась девушка.

– Ну, есть чуть-чуть, – пожал плечами Артем, у которого еще осталась кое-какая мелочь на кармане.

– А завтра?

– Да я думаю...

– Что ты думаешь?

– Ну, раз у нас тут такая бодяга, деньги надо зарабатывать. Мы с пацанами товарняки разгружали, ничего, нормально.

– Оно и видно, как ты много заработал, – фыркнула тетя Соня, глянув на его старые, с латками, брюки.

– Ну, мы же не копили...

– А не надо копить! Надо много брать, так, чтобы надолго хватало...

– Украл – выпил – в тюрьму? – в тон ей отозвался Артем.

– А ты тюрьмы боишься?

– А что там хорошего?

– Ничего там хорошего нет, – поддержала его Дарина. – И не надо туда. И воровать не надо. Есть более безопасные способы честного отъема денег...

– Например? – удивленно спросил Артем. – Что ты предлагаешь?

Не было у него желания ввязываться в нечистое дело, как не хотелось прыгать со скалы. Но Дарина и тогда его провоцировала, и сейчас. А сама она, казалось, ничего не боялась. Авантюристка она в душе.

Да и сам он не очень боялся идти на конфликт с законом. Они с пацанами действительно разгружали вагоны на товарной станции, но при этом еще и подворовывали. То со сгущенкой коробку стащат, то с тушенкой, а однажды два ящика с портвейном дернули. Можно было поставить это дело на поток, но не решились, духу не хватило.

– Ну, если тебе интересно... Завтра поговорим, – кивнула Дарина.

– Завтра, так завтра.

– Спать иди! – повелительным тоном сказала она.

– Да рано еще, – возмущенно глянул на нее Артем.

– Не пойдешь – пожалеешь, – загадочно улыбнулась девушка, и глаза ее подернулись томной поволокой.

Артем все понял и отправился в свою комнату. Доска прогнулась у него под ногой, когда он переступал порог, квакнула под весом тела, но выдержала, не сломалась. Неплохо было бы укрепить гнилой пол в этом месте. И не только в этом... И стекла в окнах надо бы вставить,

и обвалившийся потолок оштукатурить. Но сначала он сколотит кушетку, а то как-то стремно спать на сдвинутых ящиках.

Артем лег на голый матрас, забросил руки за голову. Не дом у тети Сони, а сарай на берегу моря. В комнате грязно, пыльно, из мебели только старое, все в трещинах, зеркало. Даже кровати нормальной нет, и сестра не на что. Зря он поверил Дарине, она сюда не придет. И непонятно, зачем она его сюда прогнала. Сейчас бы на берегу, на теплых камнях полежать, волну послушать...

Артема тянуло к морю, но из комнаты он не уходил, вдруг Дарина все-таки придет?.. И действительно, дверь открылась, и она переступила порог. Пол даже не скрипнул, когда она вошла. Закрыла дверь, повернулась, задвинула щеколду, шагнула к Артему, скрестив опущенные руки, и села рядом.

– Подвинься!

Он робко обнял ее за плечи. От нее пахло морем, солнцем. И желанной женщиной.

– Хочешь меня? – тихо спросила Дарина.

– Ну-у! – выразительно улыбнулся он.

– А если Соня узнает? Мы для нее – брат и сестра. Она же тебя проклянет!

– А ей обязательно знать?

За порогом скрипнула половица, и тут же кто-то ударил в дверь.

– Открывай! – толкнув Артема в бок, шепнула Дарина.

Он кивнул. В конце концов, ничего страшного не происходит. На нем брюки, рубашка, и Дарина одета. А в комнате они закрылись, так им просто поболтать захотелось – по-родственному, само собой.

Артем открыл дверь, и тетя Соня, зайдя в комнату, сразу набросилась на него:

– Ну ты и урод!

Он тоже посмотрел на девушку и обомлел. Из одежды на Дарине был только шлейф из лунного света, сотканного в проеме окна. Она стояла полностью обнаженная, а лицо отвернула.

– Ты дорого за это заплатишь! – протянула к нему костлявые руки тетя Соня.

– Да не было ничего! – растерянно пробормотал Артем.

– Что, страшно стало? – Опустив руки, лукаво ухмыльнулась она. – Мента не хватает, чтобы он тебя на «бабки» раскрутил.

– Хочешь работать с нами? – неожиданно спросила Дарина.

Он сначала растерялся, а потом согласно кивнул.

И Дарина дала ему обещание, что ляжет с ним, но только тогда, когда они заработают первую тысячу...

Бородатый мужик с пышной шевелюрой стоял на сцене, покачиваясь в такт музыке, и дул в микрофон про пылающие станицы, про красных комиссаров, которые вели девочек в кабинет – ясно, что не на расстрел.

А Дарину сегодня поведут в номера. Для этого случая она и вырядилась – цветок в распущенных волосах, короткое платье с открытыми плечами, босоножки на высоком каблуке, пошлый и вульгарный макияж... Но именно поэтому мужчины смотрели на нее с жадностью и вожделением, а Артем, глядя на нее, только скрипел зубами.

Это он должен был сидеть с ней в ресторане за столиком, своей рукой шелкнуть перед ее носом зажигалкой, запалить кончик дамской сигареты. И ему Дарина должна была улыбнуться с призывом, а она отдыхает с плешивым толстячком, он ужинает с ней – с прицелом на страстный танец до самого утра.

Вот он достал бумажник, раскрыл его, нарочно «засветил» стопку денег. Дарина знала, откуда наблюдал за ней Артем, незаметно глянула в его сторону. Она не подмигивала ему, не улыбалась, но знак подала. Есть у «терпилы» деньги, значит, можно снимать урожай.

Толстячок расплатился, вышел с Дариной из ресторана, для приличия прогулялся с ней по набережной, под луной, а затем отвел ее к себе в корпус пансионата. Артем последовал за ними, проводил их до самого номера, сел на диван в холле у лифта. И тетя Соня сейчас в работе, она должна скоро появиться, тогда и начнется главное действие. Артем с нетерпением ждал, когда лох уберет от его Дарины свои грязные руки... Но как же медленно тянулось время!

Тетя Соня еще та шкура! Мало того, что аферу придумала, так еще и Дарину в нее втянула. Это уже потом Артем подключился. А как ловко они объяснили ему свою схему...

Но тысячу они пока не заработали. В первый раз сняли с «лоха» триста рублей, во второй – всего сто. А сегодня они могут поиметь шиш с маслом. Или даже путевку в КПЗ...

Но пока все идет своим чередом. Жертва играет с приманкой, пора дергать удочку и загонять крючок под жабры. Сейчас появится тетя Соня, она знает, как это делать.

Но время идет, а тети все нет. Ожидание стало невыносимым, и Артем поднялся, чтобы подойти к двери, но в это время появилась тетя Соня. Он услышал ее голос и спрятался за раскидистую пальму.

– Она мне позвонила, сказала, что ее хотят изнасиловать! – говорила на ходу тетя Соня администраторше пансионата.

– Разберемся! Сейчас разберемся! – Женщина встревоженно постучала в дверь: – Что у вас там происходит?

– Да ничего, сидим тут, отдыхаем, – бодренько отозвался толстяк.

– Помогите! – из глубины номера крикнула Дарина.

– Дочка! – встрепенулась тетя Соня и ворвалась в номер, администраторша последовала за ней. А там шоу! Дарина уже и разделась, и в постель забралась. Лицо все в слезах, с потеками размазанной туши...

– Ну, скотина! Ну, тварь! Ты у меня за все заплатишь! – орала тетя Соня.

Артем в пекло не лез и даже к номеру не подходил. На первом этапе он всего лишь подстраховывал Дарину, держал ситуацию под контролем.

Расправу тетя Соня отложила на потом. Она забрала плачущую Дарину и увела ее с собой. Артем остался за пальмой, еще не время вступать в игру.

Какое-то время толстяк смотрел вслед своей так и не сбывшейся мечте, затем скрылся в номере. Он не должен был никуда уходить, но минут через сорок дверь открылась. Артем подождал, когда толстяк ее закроет и повернется к нему спиной, только тогда стремительно вышел из укрытия.

– Гражданин!.. – громко позвал он.

Толстяк остановился, настороженно глянул на него, не понимая, откуда Артем мог появиться:

– Да-а...

– Младший лейтенант милиции Уключин, – официальным тоном представился тот. – Участковый инспектор милиции.

Тетя Соня оказалась отличным учителем. Она объяснила, как разговаривать с жертвами – каким языком, каким тоном. И объясняла она с таким знанием дела, как будто всю жизнь проработала в милиции.

Артем достал из кармана красные корочки с золотым тиснением. «Ксива» липовая, и опытный глаз легко мог распознать подделку, но пока сбоев не было. Тут главное, не качество документа, а то, под каким соусом он преподносится. Говорить нужно мягко, но четко, и – действовать нагло, нахраписто, любая заминка могла вызвать подозрение.

– Да, я слушаю. – Голос у толстяка дрогнул. И глазки забегали. Это не совесть в нем заговорила, а страх перед возмездием.

– Поговорим? – показал рукой в сторону полутемного холла Артем.

– О чем?

- Я думаю, у вас в номере светлее будет, – проигнорировав вопрос, предложил Артем.
- Ну, наверное...

Толстяк открыл дверь, пропустил его в номер. Артем тут же потребовал паспорт, с деловитым видом пролистал его. Власьев Виктор Иванович, пятьдесят четвертого года рождения, прописан в городе Ленинграде, женат, двое детей...

– Я свою учительницу встретил, – возвращая паспорт, сказал он. – В дежурной части встретил, она заявление писала.

- Учительницу? – встревоженно посмотрел на него Власьев.
- Да, Ольгу Владимировну, она от вас шла, сказала, что вы ее дочь изнасиловали...
- Я никого не насиловал! – шарахнулся от него толстяк.
- Да, но дочь Ольги Владимировны видели в вашем номере. Она была у вас в постели, без одежды... Как это объяснить?

– Она сама!..

– Что сама?..

– Ну, разделась сама. Я пошел дверь открывать, а она разделась! И в кровать!..

– Ну, не знаю... Альбина всегда была со странностями. Я ее еще по школе помню... К ребятам в раздевалку заходила, нравилось ей, когда ее щупают. И сейчас, я так понимаю, она не без греха...

– Вот видите! – Власьев с надеждой смотрел на него.

– И мама у нее, честно говоря, такая же... – поморщился Артем. – Если что-то вбила себе в голову, будет стоять до конца. Тем более репутация у дочки подмочена и без вас... А раз подмочена, то и терять нечего... В общем, посадят вас, Виктор Иванович. Как пить дать, посадят. За изнасилование.

– Да не насиловал я никого!

– А совращение малолетних? Суд будет, жена узнает, дети... У вас дочери?

– Да, Ире тринадцать, Оле одиннадцать.

– Хорошие, наверное, девочки, а отец... – Артем вздохнул, выражая свое сожаление семье потерпевшего. – А отец – насильник и растлитель. И все об этом знать будут...

Какое-то время Власьев молчал, зажмурив глаза и опустив голову, но вот он вскинулся, напряженно посмотрел на Артема. И только собрался открыть рот, как Артем уже понял, о чем пойдет речь, «терпила» созрел для правильного решения. Он предложил выкуп за собственную глупость. Артем для приличия немного поломался, чем только раззадорил жертву...

Шестьсот рублей, как с куста, сотками нового образца. Дарина усмехнулась, глядя, как тетя Соня прячет деньги в лифчике.

– Не хотел брать, но он так настаивал, – с ухмылкой сказал Артем.

Сумел он раскрутить «лоха» на шестьсот рублей. Мог бы и больше снять, но ему нужно было именно столько. Шестьсот рублей доводили общую сумму до тысячи. А договор дороже денег, именно это и хотел сказать Артем, глядя на Дарину.

– Ну да, настойчивый мужик. Я ему говорю, руки убери, а он... – Дарина выразительно провела рукой по своей груди.

Артем плотно сжал губы. Ему вовсе не хотелось знать, как у нее там было с «терпилой».

Они подошли к «Волге», которая стояла чуть в стороне от здания автовокзала. Время позднее, автобусы уже не ходят, но не спят частники. А ехать далеко, без транспорта не добраться...

Тетя Соня небрежно стукнула пальцами в стекло и с наигранной небрежностью спросила:

– Ну что, браток, отвезешь нас домой?

С тех пор как у тети Сони появились деньги, она изменилась. Расфуфырилась, распустила хвост, раскинула пальцы веером. Даже приделась, «сафари» джинсовое у кооператоров

купила – гоголем теперь ходит. И Дарине обновку прикупила, и Артему костюм справила – не может же мент ходить в обносках. Жизнь, можно сказать, наладилась.

Тетя Соня сказала, куда ехать, договорилась о цене, с важностью большой шишки села вперед. Артем открыл Дарине дверцу и, чувствуя, как от волнения подрагивают колени, забрался в машину вслед за ней.

За спиной под задним стеклом стояли колонки, магнитола крутила «Мурку».

– А погромче можно? – с небрежностью прожженной уголовницы, спросила тетя Соня.

Водитель включил музыку чуть ли не на всю мощь.

– Громко! – повернулась к Артему Дарина.

Он кивнул и открыл рот, чтобы наехать на частника, но она приложила палец к его губам и загадочно улыбнулась, прошептав:

– Громко. И не поговоришь...

Он и опомниться не успел, как она оказалась у него на коленях. Обвила руками его шею, приблизила губы к уху:

– А так и поговорить можно... Или не надо?

Артем хотел сказать, что надо, но горло сжал спазм – он даже захрипеть не смог, только кивнул и провел рукой по ее спине.

Дарина ничего не сказала, только ударила его по руке. От нее опьяняюще пахло «Красной Москвой», мускусом, тепло и упругость ее кожи будили дикие желания.

– Страшно? – хихикнула она. – А ты не бойся! – И, обняв Артема, задвигала бедрами.

А за спиной теперь надрывался под гитару Александр Новиков. *Вези меня, извозчик, по гулкой мостовой...*

Глава 2

Острые камни кололи ступни, сила тяжести цеплялась за ноги, тянула вниз, лишая равновесия, в крови не хватало кислорода, сердце, казалось, вот-вот остановится. Артем рвался вверх по горной тропинке из последних сил, еще немного, совсем чуть-чуть... В самом начале пути Дарина казалась легкой, как пушинка. Первое время Артем без труда нес ее на руках, но сейчас он уже был на пределе. Хоть останавливайся и опускай Дарину... Но не остановится он. Лучше сдохнуть, чем опозориться! К тому же Артем дал себе зарок – если он возьмет этот вес, они с Дариной будут вместе всю жизнь. Он этого хотел, а она...

Дарине нравился Артем, она не скучала в его компании, но все-таки ее к нему отношение больше напоминало игру, а не любовь. Он уговаривал ее послать тетушку с ее аферами куда подальше, но Дарина каждый раз сводила все к шутке. И она вошла в роль, и ему все лучше удавался образ участкового мента. К тому же удача сопровождала их, а если фортуна улыбается, это преступление – повернуться к ней спиной...

Но если фортуна сама отвернется, преступлением назовут то, чем они занимались. Сначала назовут, потом осудят. Ее за мошенничество закроют, а его еще и за подделку документов... Но Дарина верила в удачу, и ему никак не удавалось ее переубедить...

Один шаг вверх, другой, а дальше по прямой, по тропинке, которая без уклона вела к дому. Артем должен был доставить Дарину к самому порогу. Идти стало значительно легче, но все равно он изнывал от усталости, пот застил глаза, и он не видел, что там впереди. Дарина легонько сжала его шею рукой, и Артем остановился. Но на землю ее не опустил.

– Молоток! Нормальный ход! – раздался густой, басовитый голос.

Артем смахнул пот со лба, протер глаза и увидел невысокого худощавого мужчину со смуглым лицом. Жесткие черные волосы, морщинистый лоб, густые брови, прямой, с небольшой горбинкой, нос, высокие узкие скулы. Глаза синие, взгляд живой, пронзительный, не злой, но с хищной насмешкой. Тип лица вроде бы славянский, но с помесью кавказской породы. Немолодой он, далеко за тридцать, а, может, и все сорок.

– Такую девушку – только на руках! – улыбнулся незнакомец, глядя на Дарину.

Он не просто смотрел на нее, а любовался. Она – в купальнике, волосы распущены, улыбка на губах не игривая, но уж точно не застенчивая.

– Ну, чего застыл, как столб на паперти? Отпусти девчонку, приехали!

Голос у незнакомца зычный, властный, и вел он себя не как гость, а как хозяин. И еще его уверенность в себе держалась на восьмиконечных звездах, выколотых на ключицах. Артем видел только одну звезду, вторая была скрыта футболкой, перекинутой через плечо. На груди синел крест с распятием.

Артем к воровскому миру не принадлежал, но был о нем наслышан. И в интернат к ним, и в «бурсу» заглядывала с улицы блатная романтика. Да и тетя Соня все уши прожужжала... Знал он, что значат восьмиконечные звезды на плечах, это символ высшей воровской власти. И смертный приговор для того, кто посмел наколоть их самовольно, без всякого на то права.

За спиной у вора стоял рослый косматый детина с гнетущим взглядом. Глянешь на такого, и ночной кошмар обеспечен.

– Не отпускай!

Можно было бы обогнуть вора, обойти его и занести Дарину в дом, но Артем ломанулся прямо на него. Не тот сейчас случай, чтобы идти к своей цели окольными путями. У него же зарок – или он поставит Дарину на крыльцо и останется с ней навсегда, или судьба разлучит их.

– Эй, ты куда, шалый? – как-то не очень весело засмеялся вор, отступая в сторону.

И его громила отошел, освобождая дорогу. Артем проходил мимо них с опаской, вдруг подножку подставят, как бы не упасть. Но подножку ему не подставили, он дошел до порога,

поставил Дарину на крыльцо. Только тогда развернулся к гостям, к которым со стороны беседки спешила тетя Соня.

– Пацан, тебе же сказали, тормози. – Вор не злился, не выходил из себя, но в его голосе звучали холодные металлические нотки.

Артем не стал «быковать». Зачем? Дело сделано, теперь можно и назад немного сдать и голову виновато опустить. Как-никак вор в законе перед ним... Если это не какой-то там самозванец.

Ситуацию разрядила Дарина. Она сошла с крыльца, обогнула Артема, подошла к вору и протянула ему руку.

– Привет! Я – Дарина!

Гость улыбнулся, не сводя с красавицы глаз, взял протянутую руку, поднес к своим губам. Сам наклоняться не стал, не царское это дело.

– Сергил, – назвал его он.

– Это имя?

– Самое что ни на есть, – улыбнулся вор, вкрадчиво глядя на нее.

– Сергил Гурамович, – нахмуренно посмотрела на Дарину тетя Соня. – Он поживет у нас.

– Так милости просим! – Дарина кивком головы показала на дом.

– Спасибо, Дариночка! – широко улыбнулся вор, обнажая крепкие желтоватые зубы. – Чья ты такая, красивая?

– Чья-то, Сергил Гурамович, чья-то, – улыбнулась Дарина и взглядом показала на Артема.

И тот угрожающе сощурил глаза. Он, конечно, уважает вора за особый статус, но за Дарину никому спуска не даст. Не для воровской короны эта жемчужина, и если Сергил этого не поймет, тем хуже для него.

– Твоя? – с досадой глянув на него, спросил Сергил.

Артем кивнул. Лоб его разгладился, брови распрямились, но взгляд остался таким же грозным.

– А чего ты так напрягся, пацан? Мне чужого не надо, – натянуто улыбнулся вор и, скользнув по Дарине наигранно-равнодушным взглядом, направился к морю.

Вскоре он исчез из виду, но предчувствие грозы только усилилось. Дарина – красивая девушка, желанная, и Сергил уже хотел ею обладать. Артем же для него препятствие, которое нужно убрать. Хорошо, если он сам подвинется...

Но не отступится Артем от Дарины, будет драться за нее с кем угодно, хоть с чертом, хоть с дьяволом...

Заканчивается сезон, разъезжается народ, но курортников еще много. И еще попадаются среди них богатенькие «буратины».

– Смотри, какие кроссы! А джины! Чисто фирма! А котлы!..

Дарина во все глаза смотрела на молодого мужчину в белой тенниске. Прикид у него действительно фирменный и очки чумовые. Часы на руке крупные, возможно, дорогие. Легко идет по набережной, непринужденно. За темными стеклами очков глаз не видно, но по сторонам он рыскает, ищет, с кем бы замутить. Пачку «Мальборо» из кармана достал, золоченую зажигалку.

– Ни пуха!

Дарина пушинкой поднялась со скамейки, в два счета настигла жертву. На ходу достала дамскую сигарету, обратилась к пижону за зажигалкой. А тот только рад угодить мисс...

Артем стиснул зубы. Мало того, что мужик фасонистый, он еще и симпатичный. Модельная прическа, правильные, четкие черты лица, холеная внешность. Может, потому и подорвалась Дарина, что понравился он ей. Не как «лох» понравился, а как мужчина.

Жертва выбрана, охота началась. А на душе не только кошки скребут, там еще и собаки воют. Нехорошее предчувствие у Артема. Что-то случится сегодня. Что-то страшное.

Даже в тот день, когда появился Сергил, тревожная сирена выла не так тоскливо, как сейчас. Да и не выла она тогда, а так, подскуливала.

Сергил жил у них три дня. И ничего. Он действительно был законным вором – и звезды на его плечах это подтверждали, и вел он себя правильно. Да, понравилась ему Дарина, да, он ее хотел и, в общем-то, не скрывал этого. Но Дарина четко дала ему понять, что с Артемом она рвать ради него не станет.

С Артемом вор держался холодно, смотрел на него свысока, но не заносчиво. Иной раз под настроение мог и поговорить с ним по душам. Все бы ничего, но в каждом разговоре звучала мысль – на Дарине свет клином не сошелся, Артем пацан молодой, найдет себе другую...

Уехал Сергил. По делам уехал. Сказал, что вернется, но когда, не уточнил. Может, сегодня, может, через месяц. Вернется и снова подкатится к Дарине с непристойным предложением. Не форсирует он события, но Дарину держит в осаде. Пока до прямой ссоры не дошло, но все еще впереди. Сергил и сам по себе опасен, а с ним еще и громила Рамзес, у Артема просто не будет шансов, если они навалятся на него. А они навалятся, это даже Дарина понимает.

Она сама предложила Артему поскорее устроить охоту на «лоха», срубить на этом денег и присвоить их себе. Снять куш и слинять – куда угодно, лишь бы вдвоем. Надоело ей горбатиться на тетю Соню, которая зажимает долю.

Тетя Соня тоже в деле, но сегодня не ее день. Сегодня Артем и Дарина ее кинут, во всяком случае, собираются это сделать. Вдвоем они хотят жить. И на жизнь себе зарабатывать тоже будут вдвоем. Как? Там будет видно. Одно Артем знал точно, больше Дарина «подсадной уткой» не будет. Никому не позволено лапать ее своими грязными лапами – ни вору, ни «лохам». Уж лучше он сам воровать будет, чем приманивать жертву на ее красоту...

Но сегодня она еще в деле, и «лох» уже ведется на нее. Пока все нормально, но нехорошее предчувствие ходит за Артемом по пятам. Что-то сегодня будет...

Щегол пригласил Дарину в кафе, она для приличия поломалась, но предложение все же приняла. Сначала он заказал ей мороженое, затем на столе появилась бутылка шампанского. Артем наблюдал за ними со стороны, он видел, с какой легкостью клиент расстается с деньгами. А их у него, судя по тому, как улыбается Дарина, немало...

Шампанское на столе сменил армянский коньяк, появились горячие закуски. Дарина млела от удовольствия, разговаривая с жертвой. Казалось, она влюбилась в пижона по уши. Но так только казалось... Артем знал, что происходит на самом деле. Но предательское сомнение не давало покоя. Вдруг Дарина реально запала на клиента?..

Из кафе они выходили навеселе. Артем неотступно следовал за Дариной, скрипя зубами, наблюдал, как пижон обнимает ее за талию. Вряд ли ей это было приятно, но руку она не убирала... Или все-таки приятно?..

Они скрылись в большом белоснежном здании санатория. Пропуска там не спрашивали, поэтому Артем беспрепятственно прошел в холл, но Дарину с ее кавалером там не увидел. Не должны они были исчезнуть из виду так рано, но именно это и произошло. Он заметался, встревожилась и тетя Соня, которая зашла в здание вслед за ним. Она осталась в холле, а Артем обошел этаж за этажом. И людей спрашивал, не видел ли кто красивую девушку в паре с мужчиной в белой тенниске. Никто ничего не видел...

Сначала он ходил по корпусу – пока здание не закрыли на ночь, потом наматывал круги вокруг него. Тетя Соня давно уже уехала домой, а он все ступтал ноги...

Поиски Артем прекратил только утром и отправился к тете Соне – в надежде, что Дарина уже там.

Но не было ее дома. И в течение дня она так и не появилась. Тогда он снова вернулся в город, но, увы, Дарину найти не смог. И о пижоне ничего не смог узнать – кто он такой, откуда, как зовут?..

Как чувствовал он, что их с Дариной последний выход на сцену театра криминальной самодеятельности закончится катастрофой. Пропала она – и, возможно, с концами. Собиралась «лоха» развести, а сама нарвалась на хищную щуку. Возможно, пижон просчитал Дарину и вместе с ней ушел от слежки. Ушел и наказал ее – за ту аферу, которую она пыталась с ним повернуть. Возможно, Дарина уже пошла на корм рыбам. Море большое, глубокое...

Вор качал головой. Он знал многих «джентльменов удачи», но словесный портрет пижона в тенниске ему ни о чем не говорил. Артем дал самое подробное описание, но, увы...

– А зачем ты, пацан, подписался на эту лавочку? – с укором спросил Сергил.

В Ростове-на-Дону он был, вчера ночью вернулся, Рамзеса привез и еще двух жуликов. Один – лысый, ушастый, с длинными и глубокими носогубными складками, плоскогрудый, костлявый, чахоточного вида. Другой – цветущий, розовощекий, круглолицый, с озорным коротким носом. Череп и Хомяк.

Артем виновато промолчал, слегка опустив голову.

– Это как путану на хоровод выводить. А сутенером западло быть? – Сергил выразительно глянул на Черепа.

– При всех раскладах западло, – кивнул тот, вытягивая из воблы пузырь.

Чифирила братва, карамельки на столе, сахар колотый и почему-то сушеная рыба. Артема позвали за стол только потому, что он был племянником тети Сони. А так не место ему здесь. Об этом никто не говорил, но все и без того было ясно.

– Западло не западло, а «капусту» надо было рубить, – вставила тетя Соня.

Сергил посмотрел на нее спокойно, но тяжело. Она опустила голову, слова ей никто не давал, и нечего высовываться.

– А ты, значит, под «мусора» косил? – спросил Хомяк, нехорошо глянув на Артема.

– Ну, так задумано было.

– И как?

– Ну, без проколов, – пожал плечами Артем.

– Без проколов, – скривил губы Сергил. – А Дарину потерял.

– Да мистика какая-то, была – и нету.

– Мистика... Даже не знаю, что сказать, – покачал головой вор.

– Может, на беспредельщика нарвалась, их сейчас развелось, – предположил Хомяк. – Мы тут по делам, а они чисто оттянуться приезжают. «Лавэ» полный карман, бесятся с жиру...

– Все может быть... – цокнул языком Сергил. – Жаль, такую девку загубили...

Артем вздохнул. Он уже почти смирился с мыслью, что Дарины нет и больше не будет, но легче от этого не становилось. Если она погибла, то, прежде всего, он в этом виноват. Не уследил, не уберег...

– А ты сопли под носом не размазывай! – резко глянул на него вор. – Жизнь, она такая штука – сегодня живой, в завтра – в ящик. Может, завтра сам на небеса к своей зазнобе отправишься.

Артем пожал плечами. Возможно, это были не просто слова, а предостережение. Может, вор собирался спросить с него за Дарину. Чикнут ножом по горлу – и в море, куда-нибудь под камень, так, чтобы не всплыл никогда.

Ну и пусть. Как ни крути, а он заслужил такое наказание. Сам он, конечно, в петлю не полезет, но если ему помогут, то так тому и быть.

– Хочешь? – воздел глаза к небу Сергил.

– Все равно, – буркнул Артем.

– Все равно? – Череп поднялся резко, а нож к горлу Артема поднес плавно.

Артем не шелохнулся, лишь глаза закрыл. Ножом по горлу – это не больно. И быстро. В классическом варианте – чик, и ты уже на небесах.

– Что, не страшно? – удивленно спросил Сергил, затем подал знак, и Череп, убрав нож, вернулся на место.

– Не знаю, – Артем открыл глаза и тускло посмотрел на вора.

– А что ты знаешь?

– Люблю я Дарину. И всегда любить буду.

Сергил скривился и резким движением руки прогнал его из-за стола.

Артем отправился к отвесу, с которого когда-то прыгал в опасное море – в угоду Дарине.

Лето закончилось, пора возвращаться в Белгород, получать повестку, идти в армию. Но никуда он не поедет. Дарина бесследно пропала, но завтра утром он снова будет у проклятого санатория.

Да и нет у него желания куда-то ехать, служить в армии, потом работать где-нибудь на стройке, заводить семью... Дарины нет, и он сам как будто умер.

Может, ему действительно отправиться вслед за Дариной? Шагнуть вниз со скалы и камнем в воду. А там – как повезет... Если не убьется, то и Дарина жива...

Он услышал за спиной тихие легкие шаги. Сердце бешено заколотилось в груди. Неужели Дарина?

Сейчас она подойдет к нему, закроет ладонями глаза и тихонько засмеется... Но к нему подсел чахлый Череп.

– Страдаешь? – спросил он, разминая в пальцах папиросу.

– Может быть, – пожал плечами Артем.

– Страдать – бабское дело. И страдать, и обижаться... А мужик дела делать должен. Тогда и мысли дурные в голову лезть не будут.

– Дела? – насторожился Артем. Ясно же, что неспроста Череп лезет в душу.

– Я так понимаю, пацан ты рискованный, с липовой «ксивой» на пушку брать... А «ксиву» покажешь?

Артем покачал головой.

– Почему? – с угрожающими нотками в голосе спросил жулик.

– Нет при себе, далеко идти. Я же не буду «палево» при себе держать.

– Ну да, береженого Бог бережет... Это хорошо, что ты такой береженный... Нам такие нужны... На дело с нами пойдешь.

Артем удивленно глянул на Черепу. Вообще-то он согласия не давал, а его уже перед фактом ставят. Не предлагают дело, а навязывают. Пойдешь, и точка.

А почему бы и не пойти?

Правильно сказал Сергил, нехорошим делом он занимался, подставляя Дарину под «лоха». Она не была проституткой, но он вел себя как позорный сутенер. Может, потому и наказала его судьба. Беречь надо было свою любовь, а он ее под клиента подвел...

А Сергил приобщит его к воровскому делу. Чище он не станет и Дарину не вернет, но действительно нужно было чем-то заняться, чтобы меньше думать о ней. Не дело это – распускать сопли из-за бабы...

Перестройка, ускорение, расцвет кооперативного движения. Оказывается, есть люди, которые поднялись на этой волне. Кто он, этот счастливчик, Артем не знал, ему не говорили, но он видел его дом – большой, двухэтажный, с красивой крышей. Высокий забор, собака...

Собаку прикармливали пару дней. Мясо сжевывали в комочки и по ночам перебрасывали их через забор. Сергил, Череп и Хомяк приучали овчарку к запаху своей слюны. И приучили. Они уже там, за забором. Собака на них даже не гавкнула.

И в дом они, должно быть, уже проникли, и сейф вскрыли. Хомяк, говорят, «медвежатник» высшей квалификации. Сколько там денег, точно не известно, но каждому, кто участ-

вует в деле, назначен процент. И только Артему определили ставку – один «косарь» вне зависимости от того, сколько денег поднимет братва. Он – мелкая сошка, неопытный, а значит, и бесправный вор... К тому же и дело у него маленькое – на шухере стоять. Если вдруг менты подъедут, он знак подаст.

Но братва вошла в дом тихо, без шума и пыли. Не должно быть ментов... Но все равно на душе муторно. И зачем только Артем согласие дал? Дернул его черт за язык сказать «да», и назад уже не повернешь, гордость не позволяет. Жалеет он о своем согласии, но за обстановкой смотрит зорко. Менты ведь и на машине с мигалками могут подъехать, а могут и тихой сапой подобраться. Они свою работу знают...

Менты подъехали без мигалок, но на служебной машине. Быстро подъехали, резко остановились.

– Стой, стрелять буду! – услышал Артем.

Кто-то увидел его, когда он перемахивал через забор, но так не хотелось верить, что угрожали не кому-то, а именно ему. Страх захолодил душу, но не повис мертвой тяжестью в ногах. Он перемахнул через забор, спрыгнул во двор, ворвался в дом и заорал:

– Атас! «Мусора»!

Первым из дома ломанулся Рамзес, на ходу выдергивая из-за пояса пистолет. Два мента к этому времени перескочили через забор, и он открыл по ним огонь.

– Уходим! Я прикрою! – сквозь грохот выстрелов прозвучал его голос.

Череп и Хомяк рванули в сторону огорода. Артем побежал за ними. Менты не церемонились, стреляли как по Рамзесу, так и по ним.

Артем почувствовал удар в бедро, но это его не остановило, он лишь слегка сбавил скорость. Через забор он перелазил вместе с Рамзесом, который нагнал его.

Впереди слышались выстрелы и собачий визг. Кто-то пристрелил пса, который охранял двор соседнего дома.

– Есаул, давай, давай, не тормози! – подгонял Рамзес.

Артем и сам понимал, что нужно спешить, но во дворе соседнего дома ноги у него подкосились, и он упал. Поднялся, с трудом сделал несколько шагов и завалился на бок. Бандиты были уже далеко, никто и не думал протягивать ему руку помощи.

И все-таки Артем чувствовал в себе силы продолжить путь. Он сильный, он справится.

– Ах ты тварь! – донеслось вдруг сзади.

И тут же на голову опустилось что-то тяжелое.

Глава 3

Так хорошо лето начиналось – Дарина, солнце, море. Даже охота на «лоха» сейчас казалась невинным развлечением. Все, закончилась лафа. Сначала он лишился любимой девушки, а потом и свободы. Все один к одному. Как будто так и надо...

– Еще раз спрашиваю, с кем ты был в деле?

Отбитая голова болела, простреленная нога противно ныла, действуя на нервы. Но холодный пронзительный взгляд следователя действовал как местная анестезия, замораживая телесную боль. Зато в душу он вкручивался, как сверло бормашины в воспаленный зуб.

– Какое дело? Не было ничего. Увидел милицию, сиганул через забор, а там из дома какие-то люди выходили...

А зачем Артем через забор сиганул? Почему милицейская машина его напугала? Какие люди выходили из дома? Как они выглядели?.. Эти вопросы следователь задавал раньше, сейчас же он молчал, с беспомощным гневом глядя на Артема.

Не кололся он, не хотел сдавать своих подельников. Да, он случайный человек, и ему дела нет до Сергила с его братвой, но раз уж он влип в историю, должен испить горькую чашу до дна.

– Ты не понимаешь, Есаулов, тебе срок светит. Потерпевший заявление написал, там он указал реальный размер украденного. Это кража в крупных размерах, за которую светит от четырех до десяти лет.

– Так не крал я, не было у меня ничего.

– Правильно, не крал. Ты щенок, всего лишь на «шухере» стоял. А крали матерые волки. Сейф не простой, его настоящий профессионал вскрывал. Его сажать надо, а тебя и выпустить можно. Судимости у тебя нет, характеристики с места учебы хорошие. Отслужишь в армии, устроишься на работу, и все у тебя будет хорошо. Скажи, кто с тобой был, и пойдешь как свидетель.

– Я бы сказал, но я не знаю, кто там был... – Артем отвел взгляд в сторону.

– Знаешь ты все, Есаулов. Знаешь.

Артем промолчал. В конце концов, сколько можно толочь воду в ступе? Не сознается он, пусть пытаются, все равно ничего не скажет. И дело не в страхе перед ворами. Натура у него такая – никогда не сдавать своих. Да, подельники бросили его на произвол. Тот же Рамзес мог помочь ему... Но все-таки они свои. Волею судеб свои. А может, и проклятием...

Сейчас он в больнице, в специальном блоке для заключенных, и работают здесь обыкновенные гражданские врачи. Им совсем не нужно знать, как менты вытягивают из арестантов показания. Как и какими методами... Но в следственном изоляторе пощады не будет, и Артем должен был это понимать...

Только его подлечили, и он встал на ноги, как сразу отправили в следственный изолятор. Облупленные стены, обшарпанный пол, ржавые шконки, серые, прокопченные табачным дымом лица...

– Опля! Пряники завезли! – Со шконки поднялся бритоголовый хлыщ с дефективной физиономией. Майка на нем – когда-то голубая, а ныне серая – растянута до неприличия. Впалая грудь открыта, вся живопись на виду. Паутина с пауком, фашистский крест, солнце с кривыми лучами, распушенная роза – ералаш какой-то.

Он прыгающей походкой подошел к Артему. Взгляд мутный, улыбка пакостная, движения агрессивные. – Откуда такой взялся, голубок?

Это было чистой воды оскорбление, поэтому Артем получал право снести баклану челюсть. Но это он так думал, а у «смотрящего» свое мнение. Как он решит, так и должно быть.

– За базар ответишь? – спокойно спросил Артем.

– Я не понял! – ошалел от такой наглости хлыщ и, хлопав себя заскорузлыми руками по животу и груди, обернулся к братве, требуя осудить и наказать борзого новичка.

– А ты, Бусняк, за базаром следи, тогда и понимать будешь.

Из-за стола поднялся рослый, крепкого сложения мужик в спортивном костюме. Мощные надбровья, крепкий, слегка приплюснутый нос, тяжелый волевой подбородок. Мощный тип, матерый, от него исходила реальная опасность. Он смотрел на Артема вроде бы добродушно, но его настроение могло измениться в любой момент.

– «Первоход» в хату заехал, его принять надо, разместить.

– Принимают менты, – буркнул Бусняк, глянув на рослого, который, возможно, был здесь «смотрящим».

– Что ты сказал?

– Ничего. – Хлыщ вернулся на свою шконку, лег, накрыв голову подушкой.

– Баклан! – презрительно цыкнул на него рослый.

Он подошел к Артему, внимательно посмотрел на него и спросил:

– Что с ногой?

– Пуля.

– Бандитская?

– Нет, «мусорская».

Рослый вскинул брови, выражая свое удивление.

И так Артему вдруг захотелось рассказать, как он ходил на дело с настоящими бандитами, как помог им уйти от ментов, как пострадал за это. И главное, хотелось похвастаться знакомством с самим Сергилом, чью волю он по факту исполнял. Сам вор на дело не ходил, но ведь он стоял за ним. Нельзя называть имен, камера небольшая, людей в ней немного, но здесь могла находиться «наседка». Может, менты на это и рассчитывают. Насколько понял Артем, они даже не подозревали Сергила с его компанией, поэтому не знали, в каком направлении вести розыск. Если так, он сделает им подарок, если проговорится. А менты очень хотят раскрыть это дело. Может, потому и засунули его именно в эту «хату»...

– Думал, заражение крови будет, – улыбнулся он. – От «мусора» с пули.

– Ну да, «мусорские» пули, они заразные... – осклабился рослый. – Сам кто будешь?

– Братва Есаулом называла.

Фамилия у него Есаулов, от нее можно было и «погоняло» получить. Но Сергил сказал, что рано его Есаулом называть, дескать, для мелкой сошки это слишком звучная кличка. Но все изменилось после того, как он поднял «шухер», окончательно поставив себя вне закона. Он помнил, как называл его Рамзес, когда они перелезали через забор, Есаулом называл. А Рамзес личность в темных кругах известная, уважаемая. Артем случайно подслушал их с Сергилом разговор. Все у Рамзеса хорошо, и две ходки за плечами, и заслуги перед братвой серьезные. Еще немного, сказал, надо потерпеть, и он сам встанет под воровскую корону...

– Какая братва?

Артем провел пальцами по уху и щелкнул ими. Не мог он говорить, ушей много. Но рослого такой ответ не удовлетворил, и пришлось сказать:

– Серьезная братва. Очень серьезная.

Артем не пытался угрожать, но дал понять, что в душу к нему лучше не лезть. Если рослый заставит его «засветить» Сергила, спросят с них обоих – и очень жестко.

– А шьют что?

– Рупь сорок четыре. Предварительный сговор хотят повесить, но не было ничего такого.

Рослый кивнул, задумчиво ущипнул себя за подбородок. Понял он, что Артем в «несо-знанке». И предварительный сговор был, и группа лиц, но менты могут об этом только догадываться. Так же, как и он сам.

– А братва действительно серьезная? – спросил он.

– Очень, – без тени сомнения ответил Артем.

– И прогон будет?

Артем смущенно промолчал. Не было у него никакой информации о своих подельниках, и неизвестно, знают ли они о нем. По идее, Сергил должен был отправить на тюрьму «маляву» про его честь, оказать ему этим поддержку. Никто не посмеет «придраться» к Артему по беспределу, если сам Сергил объявит его своим «крестником». Но прогона может и не быть, Артем не знал, захочет ли Сергил светиться ради него...

– Чего потерялся? – усмехнулся рослый.

– Я на воле правильно себя вел и здесь не «косорезил». Мне оправдываться не в чем, значит, можно и без прогона. А если у тебя какие-то сомнения, если под конфликт меняставишь, сам коней прогоняй.

Рослый приоткрыл рот, слушая Артема, не ожидал он от него такой отповеди. Да и сам Артем, честно говоря, удивился себе. И слова нужные нашел, и в строчку их ровно вставил... Тетя Соня много рассказывала про тюрьму, и разговоры братков он слушал, на ус мотал, но как-то не думал, что это ему пригодится.

А пригодилось. Решетка разделила его жизнь на «до» и «после», и нечего распускать сопли, думая о старом, нужно брать себя в кулак и приспособливаться к новым реалиям. Тюрьма – это не катастрофа, это продолжение жизни. Трудное, полное невзгод и лишений, но продолжение. Артем должен жить дальше – сводить к минимуму тяготы и создавать себе маленькие радости. Сейчас ему нужны сон и покой. Он научится не обращать внимания на шум, гвалт и вонь. Должен научиться...

– Ну, если ты такой правильный, то живи... – с едва заметной растерянностью во взгляде усмехнулся рослый. – Что-то ты бледный какой-то.

– Из больнички поперли.

– Ну, хорошо...

Как и думал Артем, рослый оказался «смотрящим» в камере. Он определил ему шконку и велел отдыхать, набираться сил.

Под конфликт Артема ставить не стали, но знак вопроса над ним нарисовался сам по себе. Братва хотела знать, откуда он, такой молодой да ранний, взялся...

Сильный удар в раненую ногу прострелил сознание. Артем соскочил со шконки, непроизвольно махнув рукой. Его кулак сам по себе влетел в чью-то голову, кто-то упал.

– Я не понял! – оторопело протянул Бусняк, испуганно глядя на Артема.

Не ожидал он от него такой реакции на свой удар. Не думал, что Артем сразу начнет бить. Но при этом понимал, что ответил тот, скорее случайно, чем намеренно.

А ударил Артем сильно. Бусняк поднимался с пола тяжело, как нокаутированный боксер – с ринга. Перед глазами у него все плыло, тело вело в сторону, не до реванша ему сейчас.

Убойно ударил Артем. Но на этом он и остановился. А зря. Надо было «мочить» Бусняка и стоящего рядом с ним Арцеула. А еще лучше надо было начать с мощного на вид Арцеула.

Но Артем замешкался, упустил инициативу. Бусняк поднялся, плечом к плечу встал с Арцеулом, взгляд его наливался кровью. Не амбал он, но хлесткий, жилистый и заточкой мог ткнуть как нечего делать.

– Ну, ты в натуре! – Артем на пару мгновений сфокусировал взгляд на фашистском кресте, выколоте у него на груди. Только фашист мог так поступить – ударить спящего арестанта, да еще по больной ноге.

– Сел! – толкнул тот Артема в грудь.

Неожиданно толкнул, с силой, а Артем стоял, опираясь только на одну ногу, поэтому не смог удержать равновесие и сел на шконку.

И Бусняк опустился на вмурованную в пол скамью спиной к столу-дубку, лицом к Артему, грозный Арцеул нависал слева.

Почти неделю Артем жил относительно нормально. «Смотрящий» его к себе в компанию не звал, но и в обиду не давал. Арестанты даже заботу о нем проявляли, кто шоколадкой угостит, кто салычем из домашней передачи – чисто для укрепления организма, пострадавшего от ментовской пули.

А сигаретами с ним не делились. Ими здоровье не поправишь, а они здесь на вес золота, да и «стрелять» папироски на тюрьме не принято. Раз-другой можно, стерпят, а потом попрошайкой назовут. И приклеится «погоняло»... Череп как-то сказал, если нет своих сигарет, то лучше завязать с куревом...

Без сигарет он жил, на тухлой баланде, зато его никто не трогал. Но сегодня утром «смотрящего» перевели в другую камеру. И двух его пацанов за компанию выдернули. Власть в камере захватил Бусняк. Наступил его звездный час, и он уже пользуется этим. Старый «смотрящий» держал его за баклана, крылья ему распускать не давал, но теперь некому было одернуть эту дурную птицу. Более того, Бусняк успел обзавестись собственным блаткомитетом. Кузня и Арцеул – такие же отмороженные «утырки», как и он.

– Не нравишься ты мне, пацан. Ох, не нравишься! – деловито качая головой, проговорил Бусняк.

– Я тебе не девочка, чтобы нравиться.

Артем зажмурил глаза. Не должен он был это говорить. Сейчас начнется.

– А если нам здесь девочка нужна? – ухмыльнулся Бусняк.

Началось!..

Он с ухмылкой глянул на губастого Ванюшу, который возвышался над Артемом на шконке второго яруса. Ванюша «терпила» по жизни, вечный шнырь, с ним в камере никто не считался, но Бусняк сейчас обращался за поддержкой не столько к нему, сколько ко всей камере. Он измывался над Артемом толпе на потеху. А веселые зрелища здесь в большой цене. Для того и устраиваются всякого рода «прописки» для новичков, чтобы повеселить камеру.

Артем не видел, как реагирует на шоу Ванюша, но ему хватило идиотский ухмылки, с которой смотрел на него дядя Костя. Нормальный вроде мужик, обычный работяга с завода, сермяжная душа, и к Артему он относился хорошо, конфетами угощал, но сейчас готов был глумиться над ним в угоду отмороженному Бусняку. Надо будет, и с кулаками на него набросится. Но удивляться этому не стоит. Куда ветер, туда и быдло...

– Я за свои слова отвечаю, – хмуро глядя на самозваного «смотрящего», озлобленно буркнул Артем.

– Ты что-то там за серьезных людей говорил... – напомнил Бусняк. – Где они, эти серьезные люди? Где «малява», где прогон?

– Я не обещал прогон.

– Ты за серьезных людей говорил. А нет никаких серьезных людей. Пустозвон ты. Знаешь, что с такими делают?

Артем кивнул. Плохи его дела. Бусняк уже принял решение, Кузня рвет цепи, чтобы наброситься на приговоренного, и Арцеул подключится, можно в этом не сомневаться. И можно говорить сколько и как угодно, все равно ничего не изменишь, Бусняк не отступится от своего. Остановить его можно только громким именем. Если Артем скажет, с кем ходил на дело, Бусняк засунет свой язык куда подальше. Он хоть и отмороженный, но не на всю голову. Связываться с законным вором точно не захочет...

Но не мог Артем сказать про Сергила. Не мог, и все... Может, Бусняк для того и наехал на него, чтобы услышать это имя? Может, «кум» его на это дело подбил?.. Сейчас все решала грубая физическая сила. Артем все это понимал, но как же страшно ввязываться в жестокую драку. Их трое, а он один. А еще тот же дядя Костя может подключиться. Или нож в ход пойдет... Он почувствовал, как от страха онемели руки, и ноги стали ватными.

– За меня спросят, – дрожащим голосом проговорил Артем.

– Кто за тебя спросит? Хоть одно имя назови! – ухмылялся Бусняк.

– Тебе и одного имени хватит, – хищно сощутив глаза, сказал Артем.

– Я ведь пробью тебя на это имя! – пригрозил «баклан». – Будешь на вокзале спать. И поезда встречать. Я к тебе первый заеду!

– А кто ты такой, чтобы пробивать по уважаемым людям? – зло спросил Артем. – «Смотрящий» по хате? А кто тебя сюда ставил? Кто полномочия давал? Не можешь ты здесь решать! А имя я тебе дам! И этот человек реально с тебя спросит! Есаул его зовут! – И соскочил со шконки.

Нельзя было начинать с Бусняка. Он вырубит его с одного удара, но при этом окажется меж двух огней. С одной стороны навалится Кузня, с другой – Арцеул. Пока он будет отбиваться от них, в себя придет Бусняк...

Он рванул в сторону – мощно, напористо. По пути схватил за грудки Арцеула, разогнался вместе с ним и разжал руки. Бедолага и понять ничего не успел, как врезался в угол дверного проема, на который направил его Артем. Но это было еще не все. Пока Арцеул падал, Артем успел ударить его кулаком в затылок. От всей души приложил. Смотрелся он мощно – высокий, мускулистый. Бусняк осознавал шаткость своего положения, поэтому махал руками, поднимая арестантов. Тот же дядя Костя пока в замешательстве, но если Артем замешкается, он выступит против него.

Но Артем не замешкался, ударил с размаха, и его кулак смял нос Бусняку. А в это время Кузня достал заточку, на нее Бусняк и напоролся. От страха за свою шкуру недоумок забился в дальний угол камеры, откуда его, чуть погодя, вытащили надзиратели.

Кузню забрали, Бусняка отправили на больничку. Артем взял в этом противостоянии верх, но плодами своей победы воспользоваться не смог. Так хотелось ему с высоты своей колокольни объявить Бусняка самозванцем, и этим обосновать свое поведение, беспредел, на который он вынужден был пойти. Возможно, арестанты выдвинули бы его в «смотрящие», а воровской ход утвердил бы это решение. Но его самого выдернули из камеры и отправили в карцер...

...Следствие, суд, приговор, этапы, пересылка – все это в прошлом. В настоящем был показательный шмон в колонии строгого режима. Не для начальства показательный, а для самих зэков.

Зима уже на исходе, но морозы стоят крепкие, а батареи в смотровой едва теплятся. Пол бетонный, студеной, а на нем босиком стоять надо. Одни «вертухаи» вещи шмонают, а другие – людей обыскивают. Процедура жутко неприятная, но будешь упрямитесь, получишь так, что мало не покажется. Один уже корчится на полу. А времени у ментов много. Зэков еще долго будут здесь в одних труселях держать, пока «кум» со всеми не переговорит.

«Кум», зараза, издевается над людьми. Нарочно на холоде народ держит, босыми, голыми. Пока зэки мерзнут, он с каждым по отдельности беседует. А разговоры не простые, подлые, коварные. И чем быстрее арестант даст ответы, тем скорее освободится. В противном случае задержит не только себя, но и всех, и ночью, в карантинном бараке с него за простой крепко спросят... Это общий режим, воровская власть здесь слабая, поэтому и козлов много развелось. А там, где козлы, там скотство и беспредел, Артем уже успел это понять.

Была бы в зоне сильная воровская власть, «кум» бы не позволил себе так издеваться над заключенными, не стал бы их на холоде держать. Сильная воровская власть решила бы с ним вопрос...

– Есаулов!

Артем прошел в помещение, где из мебели были только стол и стул, а из техники – мощный калорифер, от которого тянуло жаром. Он не удержался и невольно сдвинулся к нему.

– Стоять! – осадил его пышноусый мужчина в огромной фуражке, которую он почему-то не снимал. Тень от этой фуражки закрывала весь правый погон. Четыре звездочки – капитан.

Артем остановился и опустил руки. Не холодно ему, и не стоит согреваться, обхватив себя руками. Совсем ему не холодно...

– Ну, чего молчишь?

Надо было представиться сразу – назвать имя, фамилию, отчество, статью, но как-то замешкался Артем – калорифер и тепло от него сбили с толку.

А изнутри его колотила дрожь, и ему пришлось напрячься, чтобы она не прорвалась наружу. Он представился по всей форме, ни разу не кляцнув зубами.

– А лет сколько? – заглянув в личное дело, спросил опер.

– Восемнадцать.

– Молодой еще, а зона взрослая. Заклюют молодого петушка, – усмехнулся мент.

– Посмотрим.

– В секцию внутреннего порядка пойдешь. Уважаемым человеком станешь, никто тебя не тронет.

– Не пойду!

– Почему?

– Не хочу.

– Я должен тебя уговаривать? – Капитан выразительно посмотрел на дверь, за которой ждал помилования народ.

Людям в барак хотелось, в тепло, и каждая минута на счету. Артем должен был дать свое согласие, поставить роспись и освободить помещение... Да, действительно нужно потопиться.

– Не надо меня уговаривать. В секцию вступать не стану, работать не буду. И не заставите.

– И работать не будешь? – ошалел от такой наглости «кум». – Воровская масть заиграла?

– Дело не в том. Колония исправительная, а мне исправляться не надо. Меня невинно осудили, значит, и работать я не должен. Если хотите, можете записать меня в секцию отрицания физического труда.

– Записать?

– Запишите.

– Ну что ж, так и сделаем...

Артем не ругался с опером, не хамил, даже слова грубого не сказал. И он ответил ему тем же, даже не обматерил ни разу, просто взял и закрыл в камере штрафного изолятора. Для ознакомления с радостями особого содержания – всего на десять суток.

А в штрафном блоке, как оказалось, не топили. Там даже батарей не было. Когда-то были, но, после того как они разморозились, их срезали, чтобы поставить новые. Но так и не поставили.

Стены в камере покрыты были изморозью, а в дальних углах скопилась самая настоящая наледь. Лежак был прижат к стене, без ключа его не опустишь. Все как в карцере следственного изолятора, но там было тепло, а здесь ледяное царство.

Нары опустили только на ночь, Артем лег, но, поняв, что околеваает от холода, снова поднялся.

Он пытался разогреть себя энергичными телодвижениями, но для этого нужны были силы, а они очень скоро иссякли. Какое-то время он просто дрыгал ногами, а потом застыл, не в силах пошевелиться. Надо было отдохнуть, набраться сил, но усталость не проходила, и еще его одолела тяжелая апатичная лень. В конце концов, он даже перестал чувствовать холод.

В пять утра надзиратель в тулупе зашел в камеру, поднял и припер к стене нары. Артем смотрел на него с завистью и ненавистью. Дать бы ему по голове, забрать тулуп, закутаться, согреться.

– Эй, ты живой? – осторожно тронул его за локоть «вертухай».

Артем медленно кивнул. Он боялся сделать резкое движение, от этого могла сломаться заледенелая шея и отвалиться голова... От холода и усталости он сходил с ума, но еще не понимал этого.

– Чаю хочешь?

В ответ Артем промолчал. Горячий чай согреет его изнутри, но холод быстро сожрет робкое тепло, и ему станет еще холодней. Он и сейчас еле живой, но его хотя бы не трясет от холода, не лихорадит от невыносимого желания согреться, нет пробирающей до костей дрожи... Нет, не нужно ему ничего.

– Зря ты. Чайку попьешь, я нары опущу, тулупом тебя накрою. А в девять утра к Маковцу пойдешь, скажешь, что блажь на тебя нашла. Ну, какой ты вор? Молодой ты еще для вора. Да и зачем тебе это? Какой у тебя срок? Три года? Тьфу, и растереть! Черед два года выйдешь, устроишься на работу... На хорошую работу тебя не возьмут, но так ты кооператив свой откроешь. У меня зять кооператор, джинсы шьет. А ты ватники будешь шить. Теплые ватники, хорошие...

Артем поймал себя на мысли, что он вожаденно слушает мента. Одно только сочетание слов «теплый ватник» пьянило воображение. И освободиться он мог через два года – по УДО. С его судимостью на хорошую работу не устроиться, но ведь он действительно мог открыть свое дело. Шить и продавать красивые теплые куртки – что может быть прекрасней?..

– Ну, так что, чай принести? – спросил надзиратель.

Артем поднял руку и осенил себя крестным знаменем. Дьявола-искусителя можно прогнать только так. Не человек это, а бес из преисподней, нарочно пришел к Артему, чтобы забрать у него душу в обмен на кружку кипятка.

Надзиратель посоветовал ему подумать до девяти утра и ушел, с грохотом закрыв дверь.

Артем боролся с искушением до девяти утра. Потом – до девяти вечера. А перед отбоем упал, не в состоянии держаться на ногах. Упал и разлетелся на мелкие кусочки. Именно такое видение и всплыло в умирающем сознании...

Глава 4

Время позднее, половина двенадцатого, считай, полночь, а за окном еще светло. В Крыму давно уже стемнело, но в Москве ночи не такие длинные. И погода здесь совсем другая, и атмосфера более тяжелая. И еще эта вечная спешка, толчея...

Впрочем, Дарине грех жаловаться. Она дома с ребенком сидит, на работу через метро проталкиваться не надо, а если нужно куда-то съездить, Саша машину пришлет, или сам подъедет, если время будет. Он у нее человек занятой, предприниматель, бизнесмен. Он весь в делах, в разъездах, а она дома киснет. Надоело...

Дом у них отличный – большая трехкомнатная квартира на Сретенке, в красивой «сталинке» с высокими потолками. Недавно ремонт в европейском стиле сделали, ощущение такое, будто во дворце живешь. Саша удачно вписался в новые реалии – бизнес у него, экспорт железной руды. Отец его при Горбачеве во Внешторге работал, он еще при нем дорожку за границу протоптал. Сейчас на пенсии, живет себе в высотке на Котельнической набережной, в ус не дует, а сын дела делает...

За окном хлопнул выстрел. То ли кто-то китайскую ракету в небо запустил, то ли братва отношения выясняет. Весело народ в Москве живет, ни дня без криминального трупa. По всей стране сейчас такая чехарда идет, но в Москве веселее всего.

Второй громкий хлопок разбудил Ромку, малыш поднялся в кроватке, заплакал. Дарина не стала брать его на руки, просто подошла к нему, позволила себя обнять. Она очень любила сына, но излишними нежностями не баловала.

Ромка уже успокоился, когда дверь вдруг открылась, и в квартиру ввалился Саша. Он упал на четвереньки, стукнулся головой об угол прихожей, поднялся, трясущимися руками лихорадочно стал закрывать дверь. Дарина опустила сына в кровать, подошла к мужу, помогла закрыть дверь.

– Отойди! – Саша оттолкнул ее в одну сторону, сам отскочил в другую.

– С ума сошел! – возмутилась она.

– Дура! Они стрелять будут!

Дарина все поняла. Это в Сашу стреляли. Видно, киллеры промазали, поэтому он уцелел. Но, возможно, они пошли по его следу. Дверь вроде бы бронированная, но еще никто не проверял, выдерживает она пулю или нет. Еще... Ситуация, конечно, дикая, настоящий ночной кошмар, но это не повод, чтобы оскорблять Дарину.

Да и не страшно ей почему-то. За Ромку она боялась, за мужа переживала, а за себя – нет. Будь у нее оружие, она бы, пожалуй, пошла разбираться с киллерами, чтобы защитить свой дом. Но не было у нее пистолета, да и стрелять она не умела...

– Ты что, не понимаешь? Меня хотят убить! – простонал Саша, потрясенно глядя на нее. – Нас хотят убить! Нас! Меня! Тебя! Ромку!

– Возьми себя в руки! – хлестко сказала она.

– В руки?! Да, да, ты права... – Он склонил голову, приложив пальцы к вискам. – Надо взять себя в руки...

– Водитель где?

– Антон?! Так отпросился он, сам я был... Он знал, что в меня сегодня стрелять будут! – вытарашив на нее глаза, проголосил Саша.

Дарина махнула на него рукой, призывая к тишине. Возможно, за дверью киллеры стоят, а он разоряется. Ромка, и тот молчит, как будто понимает, что нельзя шуметь, а Саша в истерике бьется.

Она приложила ухо к двери. Вроде бы тихо. Да и не могло там быть киллеров. Не справились они со своей задачей да еще и шум подняли. Из их положения выход сейчас только один – рвать когти.

– Чего стоишь? В милицию давай звони! – вскинув брови, потребовала Дарина.

– В милицию?! Ты это серьезно?

– А почему нет?

– Да они там все с бандитами заодно! Откуда я знаю, кто приедет, бандиты или менты!

Дарина молча оделась, вышла из дома, спустилась во двор. Деревья тихонько на ветру колышутся, машины за кованой оградой по Бульварному кольцу катятся, парень с девушкой из соседнего подъезда вышли, идут, о чем-то безмятежно друг с другом разговаривают, по сторонам даже не смотрят. Как будто и не было никаких выстрелов.

Но так и трупов нет. Отстрелялись киллеры и уехали, а жертва от страха в своей квартире трясется. Саша мог бы выйти во двор вместе с ней, но у него даже мысли такой не возникло.

Серебристый «Мерседес» был на месте, двери закрыты, стекла целы, колеса не пробиты. Видно, стрелять начали уже после того, как Саша вышел из машины...

Дверь в квартиру он открыл не сразу, как будто боялся, что Дарина приведет за собой киллеров. В одной руке он держал плачущего Ромку, в другой – бутылку виски. Дарина резко глянула на него – мог бы и потерпеть с бутылкой.

Она уложила сына спать, зашла в гостиную. Саша сидел на кожаном диване, тупо глядя куда-то в пустоту.

– Откуда они стреляли?

– Из машины. Пуля совсем рядом прошла. Если бы я не нагнулся, меня бы второй пулей накрыло. Хорошо, дверь в подъезд была открыта...

– Из ружья стреляли?

– Почему из ружья? Ну да, похоже на то... – кивнул Саша. – Звук был, как будто из ружья... В ушах этот грохот стоит! Я его до конца дней не забуду!

– И когда конец? – совсем не весело спросила Дарина.

– Когда конец?! – ошеломленно глянул он на нее.

– Я хочу знать, насколько все серьезно.

– Насколько серьезно?! В меня стреляли! Меня чуть не убили!...

– Но не убили же.

– А ты хочешь, чтобы меня убили? – взвыл Саша.

– Может, напугать хотели?

– Ну, не знаю...

– Ты говорил, что Антон все знал.

– Ну, я так думаю... Его же Чернобур подсуетил. Он и машину водит, и стреляет хорошо. В Афгане воевал, все такое...

– Если ты так сказал, значит, в покушении обвиняешь его.

Саша не особо посвящал ее в свои дела, но про бандитскую «крышу» она знала. Чернобур со своей бандой наехал на него еще в девяносто третьем, вот уже год, как он «снимает стрижку» с его доходов.

– Ну, мелькнула такая мысль.

– Зачем ему тебя убивать?

– У нас разговор на днях был. Он сказал, что я должен ему долю выделить. Не деньгами с ним расплачиваться, а долей в бизнесе. Двадцать пять процентов просит...

– Отдай.

– Как это, отдай? – вскинулся Саша. – Доля в бизнесе – это палец в пасть акуле. Сунешь палец, откусят руку! Вместе с головой!

– Ты же ничего не производишь. Ты только берешь. Берешь руду, перегоняешь за кордон, получаешь деньги. У тебя одна фирма, а ты другую открой. Так, чтобы Чернобур не знал...

– Другую фирму? – задумался Саша. – А что, вариант! Только Чернобур не дурак, если он эту фишку пробьет...

– Он уже в тебя стрелял... Или на «лоха» тебя развести хочет?

– Развести?... Ну, может, и развести, – кивнул Саша. – А может, и не Чернобур... Может, воры это... Может, и разводят...

– Воры?

– Да подъехал тут один, весь деловой, в законе. Солидный такой, в костюмчике, вежливый... Тоже рудой заняться хочет, мосты наводит. Просит, чтобы я помог с выходами...

– Просит?

– Ну да... Наезжать нельзя, за мной Чернобур, проблемы могут возникнуть... Я отказался, мне конкуренты не нужны... Может, это действительно Сергил?

– Кто? – вскинулась Дарина.

– Сергил Гурамович, мать его...

– Вор? В законе?

– Ну да... А ты что, знаешь его?

– А я могу его знать?

Кто-то покоряет скалистую вершину долго, нудно, шаг за шагом, а кто-то взлетает на нее за минуты – чудесным образом возносится. Так вот Саша покорила Дарину с ходу. Она хотела всего лишь раскрутить его на деньги, но вдруг влюбилась. Такая же напасть случилась и с ним.

Дарина знала, что их ищут, и сделала так, чтобы Артем не вышел на их след. Она не делала ставку на Сашу, просто влюбилась в него, но ее выбор оказался выигрышным. Они провели чудесную ночь, а утром уехали в Москву. Вместе. Здесь и свадьбу сыграли. Его родители были против, но это уже отдельная история...

Конечно же, Дарина не говорила ему, что занималась лихими делами, зачем ему это знать? Отдыхать она в Ялту приехала, и все тут...

– Ну-у...

– Что, ну?

– Да нет, ничего.

– Да, я знаю Сергила. Сергила Гурамовича. Он друг моего отца, – не моргая, глядя на мужа, произнесла Дарина.

– Отца?

– Мой отец был вором. Его убили в тюрьме. Нарвался на грубость и... Так бывает.

На самом деле отец умер уже на воле. От передоза. Дорвался на радостях до бесплатного, но не рассчитал. Наркоманом он был, но Саше об этом лучше не знать. И она «шмаль» курила, но и от этой правды легче никому не будет.

И не был Сергил другом ее отца. Соня была его подругой, вместе когда-то по «малинам» таскались. Но не стоит посвящать мужа в эти подробности.

– Я знаю Сергила... Хочешь, поговорю с ним?

Устала Дарина от семейной жизни, от сосок и пеленок. Вольного воздуха захотелось глотнуть.

Она помнила, как Сергил смотрел на нее, как истекал слюной, именно эта мысль и завела ее. Что ни говори, а мужик он видный, интересный. И совсем не старый. А главное, крутой...

Все она понимала, но вразнос пойти не боялась, потому что знала себя. Да, когда-то Дарина вела разгульную жизнь, много нехорошего на ее памяти, но все это в прошлом. В настоящем она любит своего мужа, и никакая сила не заставит ее изменить ему. И себе... А если

вдруг не устоит перед жестким, пронизывающим обаянием крутого вора, земля от этого крутиться не перестанет...

Мягкая улыбка, спокойный, слегка отсутствующий взгляд. Сергил смотрел на нее, как на приятное воспоминание из прошлого, но при этом еще не знал, нужна ли она ему в настоящем.

– Удивила ты меня, Дарина.

Саша знал, как связаться с ним, она сама позвонила вору, сказала, что нужно встретиться. И вот они здесь, в небольшом ресторанчике на Бульварном кольце. Она одна, и он без сопровождения. Его телохранители остались за дверью...

– И я удивилась, когда услышала твое имя. Ты, думаю, или не ты.

Сергилу уже за сорок, немолодой он уже мужчина, к тому же в законе, но Дарина не хотела обращаться к нему на «вы».

– Я, – спокойно улыбнулся он.

– Ты ничуть не изменился, так же хорошо выглядишь.

– А ты изменилась. Стала еще лучше. Скажи, а как у тебя с Артемом?

Дарина внимательно посмотрела на него. Зачем он это спрашивает – не для того ли, чтобы выяснить, свободна она или нет? Но у нее муж есть, и он об этом знает...

– Никак.

– Почему?

– Как почему? Я замужем. Все, Артем остался в прошлом.

– Он тебя искал, места себе не находил. Думал, что тебя убили.

– Меня похитили, – улыбнулась Дарина. – Саша меня похитил. Я уехала с ним в Москву, вышла за него замуж. Такая вот романтическая история.

– Могла бы весточку передать... Сонька знает, что ты жива?

– Ну-у...

– Не знает, – правильно понял ее Сергил.

Артем был всего лишь эпизодом в ее прошлой жизни, который она преспокойно вычеркнула, перед тем как сделать шаг в настоящее. И с Соней Дарина рассталась без всякого сожаления. А что хорошего для нее сделала эта уголовница? На «святое дело» подбила – «лохов» разводить. Дарина говорила, что все может случиться, а Соня лишь усмехалась. За реальное изнасилование – и деньги другие... Мачеха она, причем злая...

– А если бы она сюда приехала? Если бы шантаж здесь развела? – спросила Дарина.

Сергил ничего не сказал, но взглядом и движением брови выразил согласие. Скупое выражение, нехотя... Он знал, кто такая Сонька и на что она способна...

– А с Артемом жаль, что так вышло... Ты знаешь, что с ним?

– Знаю. В зоне он... Я его на дело взял, он себя очень правильно повел. И в зоне все путем.

– И много дали?

– Три года. Выходит у него срок. И сам он выходит.

– Я так понимаю, ты следишь за его судьбой.

– Он пацан правильный, мне такие нужны.

– К себе возьмешь?

– Ты хотела со мной о чем-то поговорить, – качая головой, напомнил Сергил. Он не хотел отвечать на ее вопрос. Не ее ума дело, с кем и как он работает.

– С мужем у меня проблемы. В него стреляли.

– Кто? – удивленно повел бровью Сергил.

– Не знаю, – пожала плечами Дарина.

– А почему ко мне обратилась?

– Ты подъезжал к Саше, искал выходы на внешний рынок.

– Да, было такое.

- Саша отказался. – Дарина выразительно посмотрела на него.
- И я его за это решил наказать?
- Ну, как вариант...
- Как вариант?
- Есть еще бандитская «крыша», у них там своя игра...
- Игра. Взрослая мужская игра. И в эту игру играют мужчины. А ты – женщина, и мне непонятно, почему я говорю об этой игре с тобой, а не с твоим мужем, – сурово глянул на нее Сергил.
- Ну, мой муж тебя не знает, – смутилась Дарина.
- Знает. Я лично разговаривал с ним.
- Ну, не так знает, как я...
- А как ты меня знаешь? Что у нас было? – резко спросил вор.
- Ну... – замялась она.
- Дарина, ты красивая девушка. Но таких много. А то, что Сонька была твоей мачехой... Ты кинула ее. Ты кинула Артема... «Экспоруд» – твоя фирма?
- Это фирма моего мужа.
- У тебя есть в ней доля?
- Нет, но...
- Ты ею управляешь?
- Нет, не управляю...
- Тогда не лезь в эти дела! – отрезал Сергил.
- Но у меня личный интерес, я не хочу, чтобы погиб мой муж...
- У твоего мужа своя голова на плечах. И язык, надеюсь, на месте... Он знает, как меня найти. Пусть подъезжает, поговорим. Возможно, я ему помогу.
- Ну, хорошо... – Дарина чувствовала себя так, будто учитель, в которого она была влюблена, влепил ей «кол» за несусветную глупость.
- И еще ее душила обида. Она же сама когда-то была своей в уголовной среде, и тут вдруг такой облом. Оказывается, она кинула Соньку и предала Артема. Сергил за это не предъявлял, но и на короткую ногу с ней становиться не желал. Не собирался он подпускать к себе за определенные пределы... Что ж, может, он и прав...

Глава 5

Тук-тук, тук-тук... Стучат колеса за окном – и расстояние пройденных дорог они отсчитывают, и время в пути.

Не так давно Артем ехал по этой же дороге в «стольпинском» вагоне, в зарешеченном купе, под конвоем. Тогда время наматывалось на пружинную катушку. А сейчас процесс пошел вспять. Он едет в обычном поезде, в обычном вагоне. И нет конвоя, который бы помешал ему посидеть за рюмкой водки в ресторане. Картофельное пюре с котлетой, капустный салат – просто все, незатейливо, но очень вкусно. Да и как может быть иначе, если у этих блюд вкус свободы.

И вкусный обед, и пьяный. И в вагоне тепло. «Бабье лето» за окном, сухо, солнечно, еще зеленые, но уже разбавленные увядающей желтизной тона.

А он любит тепло. С тех пор, как промерз до костей в ледяной камере штрафного изолятора. В больничку его тогда доставили, от воспаления легких лечили. Там Артема вызвали на разговор к лагерному «смотрящему». Оказывается, прогон по его душу подошел, сам Сергил подписался за правильного пацана Есаула...

Воры приняли его в свой круг, но это доверие нужно было еще и оправдать. Одно неверное движение, и ты уже чужой. Но Артем знал, как себя вести, и доверие оправдал, и на новую высоту поднялся. К концу срока он был уже на первых ролях в свите лагерного «смотрящего», даже споры среди заключенных улаживал. Уважала его братва, и он этим гордился...

И Сергил его уважал. Вор сам вышел на него и позвал к себе, и не абы куда, а в Москву, где у него были деловые, очень серьезные интересы. Артем уже знал, что ему нужно в этой жизни, поэтому отказываться не стал. Хотя радости особой не было. Не на гулянку его Сергил звал, а если на пир, то на кровавый. В Москве стреляют и убивают пачками.

– Ребята, ну, это совсем не обязательно!

От раздумий Артема отвлек хныкающий девичий голос.

Два каких-то стриженных «мазурика» заталкивали за стол темноволосую девушку. Она сопротивлялась, но как-то вяло. Ей и в ресторане хотелось посидеть, и чистенькой при этом остаться. Ребята готовы ее накормить и напоить, но потом они обязательно выставят счет...

А девушка симпатичная – черные густые брови с волнующим изгибом, яркие карие глаза, маленький симпатичный носик, пухлые губки. По отдельности все хорошо, но в целом как-то не очень. Дисгармония в чертах лица, грубоватые линии... Не будь этого, ее можно было бы назвать красивой, а так она – просто симпатичная. Впрочем, для недавних эзков любая хороша, а «мазурики» явно только что после отсидки. Такая же, как и у Артема, одежда с чужого плеча, обретенная шероховатость во внешности, если не сказать, дефективность. В неволе человек дурнеет, с этим не поспоришь. Она накладывает свой отпечаток и на внешность, и на характер, чтобы его стереть, время нужно и желание. А некоторым нравится лагерная сиволапость. Эти двое, например, не стеснялись выставлять напоказ свои дурные манеры. Для «бакланов» это характерно... А настоящий вор «бакланом» быть не должен, Артем возвел эту истину в ранг первой заповеди.

Но «баклан» – лагерная птица, и она требует к себе уважения, без четких обоснований шею ей не скрутишь. Да и с какого переляку Артем должен подписываться за какую-то девицу? Ее же не насилуют, она сама за стол садится. Пусть и под небольшим нажимом, но сама...

– Эй, чувак! Чо за дела?

Артем даже не понял, что «мазурик» обращается к нему. Смотрит на него зло, агрессивно – явно позирует перед девахой. Пусть она видит, какой он крутой, пусть боится.

Артем спохватился и отвел взгляд от девушки. Виноват, засмотрелся, задумался...

Но «мазурик» не унимался. Артем не желал нагнетать обстановку на пустом месте, поэтому и отвел взгляд, но парень воспринял это как признак слабости. А у шакалов заведено так – слабую жертву нужно добить.

Парень поднялся из-за стола, оправил застиранную футболку, провел пальцем по толстой стальной цепи на шее, на ходу кашлянул в кулак и подсел к Артему за стол. Раскинув локти, впери́л в него тяжелый, как ему казалось, взгляд. Он ждал, что Артем размякнет и расплющится, как нагретый воск под его волевым давлением.

– Ты, часом, не попутал, бродяга? – весело, но с угрозой во взгляде улыбнулся Артем.

– Ты вообще кто такой? – «Мазурик» явно стушевался, но флаг не спустил.

– Есаул я. Жулик.

– Э-э... – Парень в смущении глянул на его пальцы, на открытые плечи.

Не было у Артема татуировок. Лагерные наколки – дело личное, никакой закон не обязывает их наносить, вот и он принадлежность к воровской касте обозначать не обязан. Когда законным вором станет, тогда засветятся звезды у него под ключицами, может, и на коленях их выколет. Или даже эполеты на плечах появятся... Но до законного вора еще далеко, поэтому лучше приберечь места на теле для будущего.

– Ты где мотал, брат? – с живым блеском глазах спросил он.

– На «семерке»...

– В Сосновке? На строгом? Сильно. А я с общего... – Артем назвал номер колонии. – Есаул я.

– «Чирик»... С «общака», значит? – пренебрежительно фыркнул «мазурик».

– Дело не в режиме, дело в отношении к жизни. У кого-то воровской ход, а кто-то не у шубы рукав...

– Это верно, брат, чертей в нашей жизни хватает, – торопливо проговорил «мазурик».

– Жизнь у нас нормальная, – сказал Артем. – Но идти по ней нужно ровно. Есть законы, по ним нужно жить. Там где нет законов, так беспредел. А беспредел всем жить мешает, и левым, и правым. Ты меня понимаешь?

Чирик напыженно смотрел на Артема. Что это за дела, какой-то молодой с общего режима учит жизни его, бывшего зэка со строгоча! Но Артем говорил правильно, при этом он внушительно смотрелся. А если он реально жулик, с ним лучше не связываться. И сам, своими руками башку скрутит, и спросить за него могут, так что ничем хорошим это не закончится.

Артем сумел произвести впечатление на Чирика, поэтому тот не возникал. Пыжился изнутри, но не взрывался.

– Может, плеснем, брат? – взглядом показал он на графинчик.

– Извини, брат, ты не с той ноты разговор начал.

– А с какой ноты надо?

Артем покачал головой, выразительно глядя на парня. Чирик все понимает, поэтому не надо тут валять дурака. Тем более он к этому «баклану» в учителя не нанимался...

Чирик поиграл желваками, подвигал кадыком, пальцы веером распустил, тем не менее, до конфликта дело не дошло, и он свалил от Артема.

Артем прикончил графинчик, заказал еще сто граммов. И горячее повторил. Ему торопиться некуда, в плацкарте с ним толстая тетка, натуральная кликуша – чуть что не так, сразу орать начинает. И на мужа разоряется, и на детей. И на Артема стервой смотрит, признав в нем уголовника. Лучше он в ресторане посидит, за рюмочкой.

Он пил потихоньку, не торопясь, а Чирик со своим дружкой форсировали события, пытались спойть девицу. По разговору Артем понял, что ее звали Катей. Глупая она, ей бежать надо, а она сидит, еще и выпивает.

Дружок Чирика обнял Катю за талию, с глумливой ухмылкой что-то шепнул ей на ушко. Ее бросило в краску, лицо перекосилось, она вскочила, но «мазурик» двумя руками обхватил ее за талию, усадил за стол.

– Я сейчас закричу! – пригрозила Катя.

– Ну, ты, в натуре! Мы тебя кормим, поим, а ты кричать? – возмущенно протянул Чирик и вдруг, заметив, куда смотрит Катя, вскочил на ноги.

А смотрела девушка на Артема, как будто он мог и должен был ей помочь. Артем так не считал, поэтому сделал вид, что не замечает ее. Но Чирик уже вспыхнул, и вся его обида хлынула наружу.

– Слушай, ты кто такой? – заорал он на него, двумя руками схватив свою футболку на разрыв. – Ты чего тут крутого из себя строишь? – Закрутился вентилятор. Сейчас «утырок» тельняшку на себе рвать будет.

Артем неторопливо поднялся, угрюмо глянул на Чирика и направился к выходу. За все уже заранее уплачено, поэтому он мог уходить.

– Эй, ты куда? – заорал ему вслед Чирик.

Артем достал из кармана пачку «Мальборо», вынул сигарету. Курить и в ресторане можно было, но он давал понять, что хотел бы посмолить в тамбуре, там, где людей нет. И если Чирик такой смелый, пусть идет за ним.

Он вышел в тамбур, закурил. Вроде не слышно Чирика, значит, испугался «баклан», а, может, паузу взял. На всякой случай Артем попробовал открыть дверь из вагона, и это у него получилось. В уши ударил грохот мчащегося поезда. Он закрыл дверь, крепко затянулся, выпустил дым в потолок. И в этот момент в тамбур ворвался Чирик.

Беспредельщик не собирался выяснять отношения, он был настроен на удар. И с ходу атаковал Артема. В мерцающем полусумраке тускло блеснуло жало ножа. Но Артем был начеку. Он перехватил руку, выбил заточку и повалил Чирика, ударив его головой о пол. Со всей силы ударил, и еще локтем добил. И пока тот приходил в себя, открыл дверь и вышвырнул его из вагона. С беспредельщиками только так, другого языка они не понимают...

Заточку Артем тоже выбросил, но в зазор между вагонами. Заодно убедился, что поблизости никого не было. Может, кто-то и видел в окно, как вылетело из вагона тело, но кто докажет, что это сделал он? А если вдруг и предъявят, не страшно, в тюрьме тоже есть жизнь.

Он докуривал сигарету, когда в тамбур вломился второй «мазурик».

– А где Чирик? – зло и пьяно спросил он.

Артем смотрел на него спокойно, но палец, говоря образно, держал на спусковом крючке. Если вдруг что, он и удар перехватит, и отморозка вслед за его дружком отправит.

– Спать пошел, – кивнул он через плечо.

– Так это, нам в другую сторону.

– Пить надо меньше.

– Э-э...

Артем затушил сигарету о ладонь и, оттолкнув «мазурика», вернулся в ресторан.

Смешно это или нет, но Катя сидела за столом. У нее была возможность слинять под шумок, но эта дура осталась на месте. А может, она реально хотела веселья? Что ж, она его получит...

Но «мазурик» больше не лез к ней. Похоже, он понял, что произошло, но бочку на Артема катить не пытался и после каждой выпитой стопки с опаской поглядывал на него. А потом вдруг поднялся и ушел.

Артем заказал еще водки, салат. Деньги у него есть, из воровской кассы на дорожку отсыпали. До Москвы хватит, а там Сергил на довольствие поставит. И к прибыльному делу пристроит. Если воровать, то не вопрос, а если убивать – разговора не будет, слишком Артем

уважает себя, чтобы подписываться на «мокрые» дела. Не «мясник» он по своей сути. Убить может, но не «мясник»...

«Мазурик» ушел, но Катя недолго оставалась в одиночестве. Артем не переманивал ее к себе, она сама подошла к нему, смущенно улыбаясь:

– Привет!

– Артем, – коротко сказал он.

– Катя! – просияла она.

Он подозвал официантку, велел подать еще водки и закуски. Толстая дебелая баба пренебрежительно фыркнула, глянув на Катю, но пошла выполнять заказ.

– Далеко едешь?

– В Москву.

– К кому?

– К себе. Живу я там.

– Москвичка?

– Ну, в общем, да...

– В общем?

– Ну, мы в Саранске жили, отец потом квартиру в Москве купил, – вздохнула Катя.

– А чего вздыхаешь?

– Да так... Хорошего мало... Лучше бы мы в Саранске остались, там спокойно было...

– А ты спокойствия ищешь? – усмехнулся Артем. – Я думал, ты ищешь на задницу приключений.

– Да сама не знаю, как получилось. – Она снова вздохнула, кивком головы показав на стол, за которым только что сидела.

– А кто я такой, знаешь?

– Ну-у... – замялась девушка.

– Что, ну? Зэк я, справка у меня об освобождении. Я и обидеть могу.

– Ты?! Ты не можешь... – растерянно улыбнулась Катя.

– Почему не могу?

– Ну, взгляд у тебя...

– Добрый? – усмехнулся Артем.

– Ну, не скажу, что добрый. Но и не злой... Умный у тебя взгляд... Ты не можешь обидеть меня просто так...

Артем качал головой, глядя на Катю. Что-то задумала она. Что-то нехорошее у нее на уме, недоброе.

– Ты проститутка?

– Нет! – искренне возмутилась она.

– Может, на «лоха» меня взять хочешь? Так нет у меня ничего за душой.

– Ничего я не хочу, – растерянно посмотрела на него Катя.

– Может, ты идиотка?

– Что?! – вскинулась она.

– Что-то не пойму я тебя, девочка. Чего-то ты хочешь, а чего, не пойму... Чего ты хочешь?

– Да ничего, просто... – вспыхнула Катя.

Странная она какая-то...

Глава 6

Мышеловка, бесплатный сыр, жадность фраера сгубила. Где-то Артем это слышал. Но в таких случаях лучше семь раз услышать, чем один раз увидеть.

Пришла к нему мышеловка. За бесплатным сыром.

– Ты кто такой? – грубо спросил плотного телосложения парень с бритой шишковатой головой.

Длиннополая кожаная куртка нараспашку, золотая цепь на широкой груди, зеленые джинсы с зацепами. Здоровенный бык, с таким в одиночку можно и не сладить. А он еще и не один, вслед за ним в квартиру входил еще один буйвол.

Артем собирался уходить, его ждала встреча с Сергилом. Он и оделся, и «финку» вложил в рукав – мало ли что. Он мог пустить нож в ход и устроить резню, но сначала надо разобраться.

– Некстати вы, пацаны, «стрелка» у меня, – покачал он головой.

– Какая «стрелка»? Ты кто такой?

– С ворами у меня «стрелка». Я на днях откинулся, меня здесь, в Москве, ждут.

– Кто ждет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.